

Глава 83. Ночное возвращение

То есть... заняться чем именно?

Цзян Тан, который только что тихонько обматерил его, сначала вообще не понял, что имел в виду Фу Линцзюнь. Но стоило сопоставить его слова с собственной предыдущей фразой, как он побелел.

«Я тебя выебу, я тебя выебу, я тебя выебу, понял?!»

«Мы можем заняться этим. Но не сейчас».

У Цзян Тана тут же закружилась голова. Он шумно втянул воздух:

— Ты... ты что... сказал?!

Голос дрожал, в нём смешались ужас и недоверие.

Подождите. Эти две фразы вообще можно было связать в одно целое? Он правда понял это в том самом смысле, о котором Цзян Тан сейчас подумал?

От потрясения Цзян Тан на миг совсем перестал соображать. Все звуки вокруг будто исчезли. Только сердце колотилось в груди как сумасшедшее.

Фу Линцзюнь отвечал на его только что произнесённую китайскую фразу.

И ещё ухитрился дословно перевести ругательство как предложение одного совершенно неопишуемого занятия.

— Ты... почему... понимаешь... что я... говорю?!

У него даже не было времени немедленно собрать вещи, купить билет без места и в ту же ночь сбежать с этой планеты. У Цзян Тана просто онемела кожа на голове. Совсем недавно он ещё утешал себя тем, что великий босс его память не видел. А теперь выходило, что всё-таки видел?!

А-а-а-а, но почему?!

На этот раз во время слияния душ он сам ничего из памяти великого босса не увидел, так с какого перепугу великий босс увидел его?!

Нечестно!

Фу Линцзюнь начал понимать слова Цзян Тана ещё тогда, во время наведения души, когда вторгшаяся в его святилище душа юноши слой за слоем раскрылась перед ним. Пока он восстанавливал его душу, он увидел это и запомнил.

Иногда Цзян Тан тихо бормотал какие-то слова из того, другого мира, и Фу Линцзюню это казалось очень занятным. Там многое называли иначе, чем здесь, и большую часть он не понимал.

Но сегодняшнюю фразу понял.

Цзян Тан взорвался. Каким образом великий босс узнал эти слова, уже было не так важно.

Главное, он имел в виду совсем не это! Поэтому он тут же сбивчиво затараторил, от волнения почти срываясь на визг:

— Я... я сейчас... тебя... ругал! Не... не в том... смысле, который... ты подумал!

Фу Линцзюнь выглядел совершенно невозмутимым, будто только что не сказал ничего настолько постыдного. Услышав, как Цзян Тан, словно кот, которому наступили на хвост, яростно оправдывается, он великодушно произнёс:

— Не обязательно смущаться.

Цзян Тан: ??? Да я, мать твою, не смущаюсь!

Он же совершенно серьёзно пытался объяснить, что просто совершенно серьёзно его обматерил, а вовсе не собирался по-настоящему его... того самого!

Пылающий от стыда и злости маленький пёсик резко метнулся вперёд, встал на цыпочки, обеими руками очень серьёзно взял Фу Линцзюня за лицо и сквозь зубы проговорил:

— Та фраза, которую я сейчас сказал, у меня на родине — это просто ругательство!

Он даже хотел привести пример и нормально объяснить, что именно означает это «я тебя выебу». Но стоило мыслям повернуть в эту сторону, как он намертво завис.

Подождите.

А как это вообще перевести?

«Я тебя грахну»?

«Я тебя отымею»?

«Я тебя поимею»?

«Да пошёл ты»?

Почему в голове внезапно не осталось ни одного приличного варианта объяснения?! И разве всё это, если произнести вслух, будет звучать хоть сколько-нибудь лучше, чем только что?

Маленький пёсик, державший великого босса за лицо, застыл.

— Под... подожди. Дай... подумать. — Цзян Тан отчаянно напрягал мозги. — Я должен... тебе это... нормально объяснить!

Желательно словами, которые были бы не такими грубыми.

Лицо Фу Линцзюня стало чуть живее. Он вовсе не возражал против горячего даосского спутника и даже считал особенно милым, когда тот выдавал такие просьбы. Но сейчас Цзян Тан уже покраснел так, что уши загорелись. Ещё немного — и он, чего доброго, снова убежит.

Поэтому Фу Линцзюнь просто взъерошил ему волосы, превратив гладкую шевелюру в мягкий пушистый беспорядок, потом одним движением подхватил его на руки и направился к кровати.

Учитывая, что только что он наговорил такого и Фу Линцзюнь всё понял неправильно, при виде

кровати Цзян Тан сразу захотел рвануть прочь. Но вырваться было невозможно. Его ухватили за загривок судьбы, все протесты признали недействительными, и в итоге он лишился и обуви, и носков.

И верхней одежды.

Оставшись всего в одном слое одежды, Цзян Тан крепко обхватил себя руками, уставился на Фу Линцзюня своими круглыми чёрными глазами и настороженно спросил:

— Ты... что делаешь?

Фу Линцзюнь сграбастал маленького пёсика в огромные объятия, обнял так, что тот весь утонул в нём, перекатился вместе с ним и повалился на широкую мягкую кровать.

— Спать, — ответил он.

У Цзян Тана слово «спать» уже вызывало крайне нездоровые ассоциации, поэтому у него в голове мгновенно всплыли четыре иероглифа: «разврат среди бела дня». А вместе с ними и всякие не очень описуемые картинки.

Н-не слишком ли это... Сейчас ведь ещё светло, алё!

Но потом Фу Линцзюнь просто прижал его к себе.

Знакомый холодный аромат укутал его со всех сторон.

Совсем как сам хозяин этого запаха: слишком сильный, слишком ощутимый.

Цзян Тан напрягся всем телом и какое-то время не шевелился.

Но никаких дальнейших действий не последовало.

Фу Линцзюнь и правда собирался просто обнимать его во сне. Ни секунды не тратя зря, он почти сразу успокоил дыхание.

Цзян Тан вздохнул с облегчением и снова перешёл в режим счастливого паразита. Теперь даже присутствие великого босса больше не казалось таким давящим. Он придвинулся и легонько подул ему в лицо.

Прядь волос на лбу колыхнулась, длинные ресницы едва дрогнули.

Но он не проснулся.

Похоже, Фу Линцзюнь и правда очень устал. В последнее время он то и дело хватал Цзян Тана и засыпал, обняв его. Делал это с такой поразительной частотой, что Цзян Тан уже всерьёз подозревал: великий босс решил разом отоспать у него все те тысячи лет, когда прежде вообще не спал.

Ну что, он теперь похож на снотворное? Глянешь и сразу в сон клонит?

На дворе всё ещё был день, солнце даже не коснулось горизонта. С утра Цзян Тан вернулся, потом полдня рисовал и всё это время чувствовал себя бодро. Поэтому сейчас заснуть никак не мог.

Что это великий босс так рано улёгся? Они же только проснулись... Хотя нет, прошлой ночью они не спали. Их души были слишком заняты другими делами.

Хотя после пробуждения от слияния душ Цзян Тан ощущал себя выжатым, почему-то весь день он оставался удивительно бодрым. И даже мысленно презирал великого босса за некоторую слабость: он-то спать не хотел, а великий босс уже сдулся.

Пёсик, которому не спалось, начал думать о всяком.

Сначала о серьёзном. О сюжете.

Раз Фу Линцзюнь тогда наблюдал за Цзян Чаньюанем через водяное зеркало, значит, во время истории с утёсом Жисы и поездки в Цэнань он постепенно убедился в тайне Цзян Чаньюаня: под маской благочестия тот прячет внутреннего демона. А потом использовал Ци Е и заставил его на время потерять контроль.

Раз уж слабость противника подтверждена, чтобы окончательно его свалить, нужно, наверное, выстроить ещё одну ловушку.

Фу Линцзюнь вечно куда-то пропадал. Наверное, как раз занимался чем-то в этом роде.

Поскольку сам Цзян Тан во всём таком смыслил мало, хоть голову сломай, толковой подсказки всё равно не придумаешь. Поэтому мысли плавно съехали обратно к тому, что происходило между ними.

Похоже, вчера у них случился очень, очень серьёзный прогресс. Души сначала туда-сюда, потом обратно-туда... словом, всё уже зашло довольно далеко. Если переводить на язык тел, это было бы примерно как хоумран.

Но Цзян Тан был человеком крайне поверхностным. Для него духовная близость всё-таки меркла перед какой-нибудь мелочью вроде того, чтобы великий босс оставил ему на шее маленький засос.

В конце концов, слияние душ у них случалось и раньше. А раз всё было не телесно, то и стыд накрывал не так сильно. По-настоящему он не любил всё это главным образом потому, что не хотел, чтобы великий босс увидел его припрятанные пошлые видосики. А сам процесс... кхм. Вообще-то был очень даже бодрящий. И приятно бодрящий.

Старый извращенец Тан со всей серьёзностью начал заново смаковать это ощущение и мысленно решил выдать такому плёю награду под названием «Премия “На Цзиньцзяне выше шеи такое проходит”».

А вот сколько именно Фу Линцзюнь увидел из его памяти и успел ли заметить те самые запасённые видосики, Цзян Тана уже перестало волновать. Разбитый горшок не жалко. Будь что будет. Он взрослый человек, и иметь какие-то физиологические потребности — это вообще-то нормально, ясно? Тем более что он целиком и полностью сам себя обслуживал, по средствам и по настроению! Ничего выходящего за рамки ни разу не сделал. Какой ещё стыд? Сплошная чистота и невинность!

Цзян · если упал, то так и лежи · сам себе всё объяснил · Тан полностью себя утешил.

В конце концов, он уже и так, получается, великого босса... уложил в постель (?) Так куда тот теперь денется!

С этой наглой и совершенно уверенной мыслью Цзян Тан понемногу тоже заснул.

А когда проснулся, было уже утро следующего дня. Фу Линцзюнь опять куда-то исчез. К тому времени, как Цзян Тан открыл глаза, от холодного аромата на постели почти ничего не осталось.

Цзян Тан молча пошёл искать, с кем бы поиграть. Но, откровенно говоря, в обители Десяти Сторон развлечений было маловато. Хуай Чэнъиню и Е Чжэнвэню старшие строго-настрога запретили выходить наружу, а Сян Син ушёл вместе с Фу Линцзюнем. Так что весь день Цзян Тан промаялся от скуки и в конце концов просто вернулся в комнату, снова усевшись рисовать.

Пусть великий босс уже это видел, подарок всё равно надо было закончить.

Фу Линцзюнь вернулся вечером.

Ночь уже вступила в силу. В крошечном дворике только огонёк свечи оставался единственным светом: слабым, тёпло-жёлтым.

За окном шуршал тот самый бамбук. В колеблющемся свете свечи тени ветвей косо ложились на оконную бумагу, а на ней виднелась и тень человека внутри: он сидел у окна, и голова его всё клевала и клевала вниз, будто у цыплёнка.

Цзян Тан ждал его очень долго.

И успел сонно размякнуть.

Фу Линцзюнь вошёл, принёс с собой ночную росу и с порога увидел, как сонный юноша уже почти бьётся лбом о стол, а на щеке у него размазалась чёрная тушь.

Хотя он был ужасно сонный, дверь только-только тихонько открылась, и юноша всё равно проснулся. Сонно поднял глаза, увидел вошедшего, и глаза тут же вспыхнули. Бросив кисть, он пошатываясь пошёл к нему:

— Ты... вернулся.

Когда этот мягкий, тёплый человек при свете свечи двинулся ему навстречу, сердце Фу Линцзюня вдруг будто слегка задело пером.

Мягко.

Легко.

Щекотно.

Цзян Тан был сонный до предела. Он нащупал его руку и взялся за неё:

— Тебя... не было. Мне... было скучно.

Фу Линцзюнь потрепал его по голове.

— Что рисовал? — спросил он.

— Мм... ну... то, что было раньше. — Раз уж всё уже видели, Цзян Тан и не думал скрывать.

— А талисманы, которые я велел тебе выучить?

Сонливость как рукой сняло.

— Я... кажется... — лицо у него сделалось цвета зелёной горькой тыквы, — уже... не очень... помню.

Кто вообще помнит слова, которые зубрил перед внезапной проверкой? Сдал и тут же забыл. Мозг ведь не склад, чтобы держать там всё подряд!

Похоже, Фу Линцзюнь успел набить свою жемчужину Нахай целой корзиной книг по талисманам. Теперь он небрежно вытащил одну, раскрыл её и указал на один знак:

— Запоминай.

Ученику-двоечнику, которого силком усадили за учёбу, оставалось только принять учебник и с кислой миной зубрить.

Романтическая атмосфера ожидания любимого человека на этом закончилась.

И мгновенно превратилась в предэкзаменационный ад.

Фу Линцзюнь терпением не отличался. Дал ему посмотреть несколько десятков секунд и тут же забрал книжку, потребовав нарисовать знак по памяти. Не будь у Цзян Тана с собой читерского навыка фотографической памяти, он прямо на месте мог бы разыграть перед великим боссом полномасштабный спектакль страданий двоечника. Или, в крайнем случае, броситься обнимать его за ногу и канючить.

Но в итоге он всё-таки вывел талисман правильно, штрих за штрихом, линия за линией.

Фу Линцзюнь посмотрел, кивнул и сказал:

— В жемчужине Нахай, что я дал тебе, есть духовные ядра всех стихий. Достань пять самых слабых водных.

Цзян Тан был похож на новенького ученика, которого только что перевели в класс посреди года. Услышав наставление учителя Фу, он запаниковал и начал рыться в своём «учебнике». В жемчужине Нахай, подаренной Фу Линцзюнем, кроме еды, лежали ещё спящие глаза духовные камни и ядра демонических зверей.

Пять слабых водных ядер... Цзян Тан кое-как нашёл пять самых маленьких голубых и вынул их. Правильные ли, сам не знал.

Фу Линцзюнь, будучи редкостным гением, сам схватывал всё с ходу и других учил столь же грубо и просто. Он не собирался, как в сектах и кланах, начинать с основ. Вместо этого сразу показывал практическое применение, совершенно не заботясь, понимает Цзян Тан что-нибудь или нет:

— В талисмানে, который ты только что рисовал, есть пять точек. Они расходятся наружу по спирали. Ещё раз начерти знак этой духовной песчаной тушью и помести ядра в соответствующие места.

Цзян Тан раз десять просмотрел только что нарисованный знак туда-сюда, но так и не понял, где там находятся те самые пять точек, расходящиеся спиралью наружу. Однако выражение

лица у великого босса было настолько само собой разумеющимся, один в один как у школьного учителя с видом «неужели кто-то ещё может ошибиться в таком простом задании», что задавать вопросы казалось просто позорным.

Поэтому Цзян Тан, толком ничего не понимая, всё равно начал чертить талисман той самой духовной тушью.

Получилось очень аккуратно.

Он посмотрел на ядра в руке и осторожно положил одно из них на знак.

Ничего не произошло, и смелости у него сразу прибавилось. Шлёп-шлёп-шлёп — остальные четыре он тоже моментально разложил по местам.

А потом в комнате пошёл дождь.

Да, буквально дождь. Причём лило только над тем маленьким пятачком, где стояли он и Фу Линцзюнь. Как из ведра. Так, что глаза открыть было невозможно.

Одежда на обоих промокла мгновенно, а с подолов уже весело закапала вода.

Цзян Тан: ...

И было холодно.

Фу Линцзюнь: ...

Он сложил пальцы в печать, и внезапный ливень быстро прекратился. Затем с его пальцев сорвалось золотисто-алое пламя феникса. Оно взметнулось по комнате, прокатилось жаркой волной и испарило воду и с них, и с пола.

Цзян Тан украдкой поднял глаза на Фу Линцзюня и наконец смирился с фактом: он самый настоящий двоечник.

— Я... не понимаю...

Голос жалобный.

Вид несчастный.

Похоже, для гения было искренне трудно постичь, как вообще двоечник умудрился ошибиться в такой задаче.

Так и не поняв, он просто зашёл Цзян Тану за спину, обнял его и поймал его руку своей.

Прямо в точности как в той сцене, которую Цзян Тан раньше не раз прокручивал у себя в голове.

Маленький пёсик, полный нехороших мыслей, тут же покраснел.

— Вот здесь. И здесь тоже... — Фу Линцзюнь подряд указал пять точек, а потом, ведя его руку своей, разложил на них пять ядер. — Запомнил?

Следом тонкие водные узоры заменили собой песчаный знак и лёгкой плёнкой легли поверх

тела Цзян Тана.

Тот удивлённо обрадовался. Старательно запомнил пять точек на талисмане и спросил:

— И... для чего это?

Голос Фу Линцзюня прозвучал у него прямо возле уха:

— Вода мягчайшая и в то же время жёстчайшая. Для защиты это очень полезно.

Для защиты?

Цзян Тан не очень понял.

Он же вообще-то просто подвеска при великом боссе. Зачем ему учить защитные талисманы?

Примечание автора: Да, награду «Цзиньцзян такое пропустит» я придумала совершенно серьёзно.

<http://bllate.org/book/17032/1653728>